Попытка реконструкции поколенческой истории российского крестьянства в первой трети XX века[1]

Рецензия на книгу: Безгин В. Б., Вязинкин А. Ю., Ипполитов В. А., Сафонов Д. А., Слезин А. А., Якимов К. А. «Российская деревня первой трети XX века: поколение “революционного перелома”». М.: Квадрига, 2025. — 504 с. ISBN 978-5-91791-551-7

В. А. Ильиных

Владимир Андреевич Ильиных, доктор исторических наук, заведующий сектором аграрной и демографической истории, Институт истории Сибирского отделения РАН. 360090, Новосибирск, ул. Николаева, 8. E-mail: agro_iwa@mail.ru

EDN: SPRCUN

Исторические судьбы российского крестьянства в значительной мере определяли цивилизационную специфику страны. В связи с этим данная проблема является одной из ключевых для понимания особенностей отечественной истории. Первая треть XX века стала переломным этапом развития российской деревни и этому периоду посвящено множество разнообразных работ отечественных и зарубежных исследователей аграрной истории. Однако в 2025 году в свет вышла оригинальная по замыслу монография, в которой впервые в историографии осуществлена попытка реконструировать судьбы российского крестьянства в указанный период через поколенческую историю. Так, один из основателей крестьяноведения Т. Шанин отмечал, что «без поколенческой истории, учета особого влияния поколений и влияния поколенчества на наше понимание истории и на историю нельзя понять многое из происходящего»[2].

Авторами книги являются ведущие российские историки-аграрники В. Б. Безгин и Д. А. Сафонов, руководитель научной школы «История молодежного движения в России» А. А. Слезин, их бо-

1. Публикуется в рамках госзадания «Социально-экономический потенциал восточных регионов России в XX — начале XXI в.: стратегии и практики управления, динамика, геополитический контекст» (FWZM-2024-0005).

2. *Шанин Т.* (2005). История поколений и поколенческая история // Человек. Сообщество. Управление. № 3. С. 10.

лее молодые, но уже доказавшие профессиональную состоятельность коллеги — А. Ю. Вязинкин, В. А. Ипполитов и К. А. Якимов.

Задача монографии сформулирована авторами как анализ феномена поколения «революционного перелома» российской деревни периода первой трети XX века, реконструкция особенностей его поведенческих практик и ментальных установок. Хронологические рамки появления искомого поколения обозначены пятнадцатилетним периодом с 1885 по 1900 год.

Стандартных показателей протяженности периода рождения одного поколения и времени появления следующего не существует: интервал между генерациями может составлять 10, 15, 20 либо 30 лет[3]. Экстраординарные факторы (революции, радикальные реформы, войны) могут вызвать досрочную смену поколений, отличающихся по своим ментальным установкам. В условиях ординарного развития происходит постепенное замещение поколений, границы между которыми размываются. К досрочной смене поколений крестьян в России приводили реформа 1861 года, коллективизация. Деревенские дети, родившиеся накануне и после начала форсированной коллективизации, осознали себя уже в условиях функционирования колхозного строя, который для них являлся обыденной реальностью, а единоличное существование крестьянства стало для них преданием. Для крестьян, рожденных ранее, ведение ими или их родителями единоличного хозяйства оставалось важным и значимым пластом их доколхозной жизни.

Избранные в монографии временные рамки появления исследуемого поколения на первый взгляд весьма условны, так как сколько-нибудь значимых событий для аграрной истории России в 1880–1890-е годы не произошло. Первая Русская революция, которая, по мнению авторов книги, стала для искомой генерации важным формативным этапом становления, затронула лишь ее часть. В протестном движении 1905–1907 годов участвовало от 20 до 30% сельского населения Российской империи[4].

Однако проведенные нами изыскания показали, что данный период имеет для поколенческой истории статистически осязаемое операциональное значение. В 1885–1899 годах родилась большая часть лидеров и вожаков крестьянского повстанческого и партизанского движения 1918–1922 годов. Это подтверждается сделанным нами подсчетом по сборнику биографических материалов «Лидеры смуты»[5]: если в 1880–1884 годах на каждый год в сред-

3. См.: *Пушина Л. Ю.* (2011). Поколение как социокультурная общность // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. № 3. С. 28.

4. *Кондрашин В. В.* (2020). Крестьянское движение в годы Первой русской революции // Северо-Запад в аграрной истории России. № 26. С. 198.

5. Лидеры смуты. 1918–1922 гг. (2017). Биографические материалы / Под ред. А. В. Посадского. М.

нем приходится 10 рождений командиров/атаманов вооруженных групп, то в 1885–1889 годах — 23, в 1890–1894 годах — 37, в 1895–1899 годах — 33 рождения. До 1880 года на свет появилось незначительное их число. На лиц, родившихся после 1900 года, биографические справки в сборнике отсутствуют. Приведем в качестве подтверждающих примеров годы рождения П. Е. Щетинкина (1885), Н. И. Махно (1888), А. С. Антонова (1889), Е. М. Мамонтова (1889), Е. П. Ангела (батьки Ангела) (1896).

В советской официальной электоральной статистике 1925 года сведения о возрасте избранных в этом году в сельсоветы и волостные органы власти приводятся по следующим возрастным категориям: до 25 лет, 25–40, 41–60 и свыше 60 лет[6]. Крестьянские избранники от 25 до 40 лет родились, соответственно, между 1885 и 1900 годами и, таким образом, представляют поколение «революционного перелома». Их удельный вес в низовых органах власти позволяет определить степень их политического влияния в деревне (см. ниже).

Во вводной (первой) главе работы упомянуты точки зрения зарубежных социологов на протяженность отдельных циклов существования поколения. Хосе Ортега-и-Гассет выделял пять 15-летних периодов, из которых два являются сроком деятельного существования генерации. Н. Хоув и В. Шираус определили «жизнь» генерации в 80 лет, состоящую из четырех 20-летних периодов. При этом поколение, достигшее сорокалетнего возраста, начинает бороться с предыдущим за господство в социуме. Однако в основной части рецензируемой монографии обращение к проблематике внутренней цикличности жизни изучаемой генерации отсутствует. Между тем она имеет важное значение для поколенческой истории.

Т. Шанин в одном из своих устных выступлений указывал на то, что крестьянские волнения 1902 года, знаменовавшие собой начало перманентной крестьянской революции, произошли через 40 лет после реформы 1861 года. За это время случилась смена дееспособной генерации. Пророк Моисей водил евреев по пустыне сорок лет, чтобы те перестали быть рабами. В Землю обетованную должны были войти свободные люди. В России в начале XX века бывших крепостных заменило поколение, не знавшее крепостничества и придерживающееся иных поведенческих практик. Раскрестьянивание российской деревни, по нашему мнению, также в основном завершилось через 40 лет после начала массовой коллективизации[7]. Новое поколение сельских жителей, к которому относится отец автора рецензии (1928 года рождения), как указывалось выше, социализировалось уже в условиях колхозного строя.

---

6. Власть Советов. 1925. № 20. С. 5. В электоральной статистике второй половины 1920-х гг. приводятся данные по иным возрастным категориям.
7. *Ильиных В.* А. (2012). Раскрестьянивание сибирской деревни в советский период: основные тенденции и этапы // Российская история. № 1. С. 140.

Основное внимание искомому поколению уделяется во второй главе, которая начинается с реконструкции событий 1905–1907 годов в деревне. Детально описывается участие в них двух возрастных когорт исследуемой генерации: детей с подростками и молодежи[8]. Дети и подростки играли роль дозорных, а также могли непосредственно участвовать в погромах помещичьих усадеб: били окна камнями, помогали матерям грузить награбленное имущество. Молодежь выступала в роли «разведчиков», «застрельщиков» (провокаторов) погромных действий, а нередко и сама участвовала в избиениях, поджогах. Участвуя в коллективных формах протеста, подрастающее поколение убеждалось в допустимости и действенности насильственных акций. Карательные экспедиции рождали у молодых людей чувство ненависти к властям и мести.

Крестьяне поколения будущего «революционного перелома», получив опыт участия в «аграрных беспорядках» Первой русской революции, впоследствии применили его в годы дальнейших потрясений. Таковым стала общинная революция 1917 года, анализ событий которой осуществлен в рецензируемой монографии. В это время возраст искомой генерации варьировался от 18 до 32 лет. Составной частью «аграрных беспорядков» 1917 года наряду с «черным переделом» были погромы барских имений. Крестьянская молодежь в лице солдат-отпускников и дезертиров вносила в аграрное движение радикальные черты и находилась в первых рядах борцов с помещичьим землевладением. При этом дезертиры и возвратившиеся с фронта солдаты активно использовали огнестрельное оружие, которым нелегально завладели. Приход большевиков к власти в октябре 1917 года усилил протестную активность крестьян.

В третьей главе исследовательский фокус смещается на генерацию крестьян, родившихся в начале XX века, определяемую как «дети революции». При этом основными субъектами анализа становятся пионеры и комсомольцы. Противостояние между ними и основной массой крестьян из предыдущего поколения определяется авторами монографии как «межпоколенческий разлом». Однако члены пионерской и комсомольской организаций составляли абсолютно меньшую часть как сельского населения, так и соответствующей генерации. В 1924 году среди всей молодежи, занимающейся земледелием, комсомольцы составляли 0,9%, а среди сельских девушек — 0,16%[9]. К началу 1930-х годов удельный вес членов ВЛКСМ в составе сельской молодежи увеличился, но по-прежнему оставался мизерным. Незначительным было и их политическое влияние на крестьян. В РСФСР в 1925 году комсомольцы составля-

8. В революционных событиях относительно самостоятельно могли участвовать дети после 7 лет. Подростковый возраст у мальчиков наступал в 13 лет. Юноши с 17 до 21 года считались парубками (молодежью).

9. *Виола Л.* (2010). Крестьянский бунт в эпоху Сталина. Коллективизация и культура крестьянского сопротивления. М., С. 67.

ли лишь 3,4 и 3,5% от общего числа членов и председателей сельсоветов, а в 1929 году (в «год великого перелома») — 5,8 и 7,3% соответственно[10].

Поколение «революционного перелома» отходит на второй план и удостаивается от авторов в основном обобщенных характеристик. Между тем его представители (в 1925 году им было от 23 до 40 лет, в 1930 году — от 30 до 45 лет) играли в жизни деревни несравнимо большую роль, чем комсомольцы. В 1925 году в РСФСР возраст от 25 до 40 лет имело 58% членов сельсоветов, 67% их председателей, 60% делегатов волостных съездов советов, 74% членов волисполкомов, 88% председателей волисполкомов[11]. Фактически именно у данной генерации в годы НЭПа была сосредоточена власть в деревне. Впрочем, ее представители могли занимать различные политические позиции. Они составляли значительную часть коммунистов, сельских функционеров, активистов. На момент партийной переписи 1927 года в РСФСР 51,4% членов и кандидатов в члены ВКП(б) родились в 1885–1899 годы, после 1900 года — 37,9%, до 1885 года — 10,7%[12]. В то же время иные репрезентанты того же поколения противостояли провластным группам, боролись с ними за обладание сельсоветами. Часть из них были зажиточными, а потому подверглись раскулачиванию (см. ниже). На наш взгляд, в условиях НЭПа конфликт внутри поколения «революционного перелома» имел более острый характер, нежели соперничество между генерациями.

К концу 1920-х годов поколение «революционного перелома» в системе низового управления деревней стало активно вытесняться «детьми революции». В 1925 году в РСФСР доля лиц моложе 25 лет (т.е. родившихся в 1901 году и позднее) в составе членов и председателей сельсоветов составляла 16,6 и 14,5% соответственно. В 1929 году возраст до 29 лет включительно (родившихся в 1900 году) имело 46,4% членов сельсоветов, 50,1% их председателей, 47,7% делегатов районных съездов советов, 46,4% членов волостных и районных исполкомов[13]. Однако вытеснение еще было далеко от завершения.

В параграфах четвертой главы, касающихся проблем электорального поведения сельского населения в условиях НЭПа, отношения крестьян к коллективизации, авторское внимание во-

10. Итоги выборов в Советы РСФСР в 1927 г. Вып. 1: Выборы в сельские и волостные органы власти и городские Советы. М., 1927. С. 15; Выборы в Советы и состав органов власти в СССР в 1929 г. М., 1929. С. 67, 69.
11. Власть Советов. 1925. № 20. С. 5.
12. Всесоюзная партийная перепись 1927 года. Вып. 6: Численный состав ВКП(б) на 10 января, партийный стаж и возраст членов ВКП(б) и кандидатов в члены. М., 1927. С. 158.
13. Там же. С. 5; Выборы в Советы... С. 66, 68, 74, 76.

обще перемещается на крестьянство в целом, без его разделения на поколения.

Важным дополнением к основной части монографии является составляющие пятую главу так называемые социально-демографические этюды: «Фронтовики Первой мировой войны», «Женщины в революции и Гражданской войне», «Демографический портрет молодежи села первой половины 1920-х годов», «Провинциальные журналисты», «Сотрудники НКВД областного уровня 1930-х гг.», «Политкаторжане в изучаемой когорте», «Еврейская молодежь периода Гражданской войны», «Латыши на службе красному террору». Каждый из перечисленных очерков представляет самостоятельный историографический интерес. Из них основное внимание собственно крестьянскому поколению «революционного перелома» уделяется в этюдах, посвященных фронтовикам и демографическому развитию сельской молодежи. При этом в последнем из упомянутых очерков также дается демографическая характеристика молодых людей, родившихся в начале XX века. А на фронт в том числе призывались ратники ополчения 1873–1884 годов рождения.

Таким образом, в монографии детальная реконструкции поведенческих паттернов искомого поколения применительно к событиям 1905 и 1917 годов сменяется более схематичной для периодов НЭПа и рубежа 1920–1930-х годов. Кроме того, фактически за рамками исследования осталось массовое партизанское и повстанческое движение 1918–1922 годов, направленное как против белых, так и против красных. Наиболее активными его участниками (вожаками и рядовыми боевиками) являлись крестьяне из поколения «революционного перелома», вступившие в свой активный возраст (от 18 до 37 лет). Это был действительно звездный час поколения. На состоявшемся 21 мая 2025 года Межрегиональном круглом столе-конференции, посвященном обсуждению рецензируемой монографии, ее фактический ответственный редактор В. Б. Безгин объяснил, что выпадение событий Великой крестьянской революции 1918–1922 годов из базового предметного поля связано с тем, что он и ряд его соавторов уже детально их описали в своих предыдущих работах и решили не повторяться. Мы полагаем, что как минимум обобщенный материал по данной проблеме в работу включить было необходимо.

Мы положительно оцениваем обращение создателей монографии к иной генерации. Историю исследуемого поколения в полной мере невозможно реконструировать без изучения специфики примыкающих. Однако, в отличие от «детей революции», предшествующие генерации остались вне предметного поля. Между тем именно они были основными акторами «аграрных беспорядков» и 1905–1907 годов, и 1917 года. Их представители фактически возглавляли крестьянскую общину, которая являлась организатором аграрного движения, в том числе общинной революции. Согласно материалам составленной исследователями из Тамбова электронной базы

данных «Вожаки и участники крестьянских выступлений 1880-х — 1921 гг.», средний возраст участвовавших в крестьянских выступлениях 1917–1918 годов составлял 43,8 года (1874 год рождения)[14]. В 1920-е годы предшествующие генерации, а не поколение «революционного перелома», как это утверждается в монографии, являлись основными адептами традиционных крестьянских ценностей.

Недостаточно проработанными в монографии являются ряд региональных, национальных, субэтнических, групповых и гендерных аспектов поколенческой истории. За пределами анализа остались многие важные аграрные регионы России: Северо-Запад, Сибирь, Юг России (включая Дон, Кубань, Новороссию). Тема национальных особенностей поднимается лишь на примере групп (еврейской молодежи и латышских стрелков), которые прямого отношения к российской деревне не имеют. Специфика поведенческих практик казаков как субэтноса русского этноса не раскрыта. Корпус документов хранящихся в фондах бывших партийных архивов достаточен для написания социально-демографического очерка истории сельских коммунистов, тем более что они имели в деревне, хотя и оспариваемое в середине 1920-х годов, но все же несравнимо большее политическое влияние, чем комсомольцы. В годы Первой мировой войны на авансцену социальной жизни деревни выдвинулись оставшиеся «за бортом» монографии солдатки, которые стали весьма многочисленной и активной группой сельского населения. Значительная их часть представляла поколение «революционного перелома».

Несмотря на наличие в 4-й главе параграфа названного «“Жертвы” в поколении “революционного перелома”»[15], проблема жертв коллективизации в монографии практически не поднимается. Между тем искомая генерация понесла значительные потери в ходе раскулачивания. По нашим расчетам, осуществленным на основе Базы данных о репрессированных крестьянах на спецпоселении[16], которая была любезно предоставлена С. А. Красильниковым[17],

14. *Дьячков В.* Л. (2017). Электронная база данных «Вожаки и участники крестьянских выступлений 1880-х — 1921 гг.»: структура и исследовательские возможности // Революция и бунт в российской истории. Материалы всероссийской научн. конф. М. С. 186.
15. В параграфе осуществляется репрезентация «типов риторик, в которых выражалось по преимуществу пассивное недовольство крестьян политикой коллективизации».
16. В БД, составленную на основе обработки личных дел на глав семей, которые хранятся в ИЦ УВД Томской области, включались крестьянские семьи, высланные из районов Новосибирской области (в современных границах) в 1930-е годы.
17. БД была использована при написании монографии С. А. Красильникова, М. С. Саламатовой и С. Н. Ушаковой «Корни и щепки. Крестьянская семья на спецпоселении в Западной Сибири (1930-е — начало 1950-х гг.)» Новосибирск, 2008; 2-е изд. М. 2010.

удельный вес глав семей спецпереселенцев, рожденных в 1885–1900 годах, составлял 46,2%; 34,6% из них родились до 1885 года, 18,2% — после 1900 года. При этом доля поколения «революционного перелома» в числе раскулаченных была больше. Часть крестьян, родившихся в начале XX века, стала главами семейств уже на спецпоселении. Они и другие депортированные вместе со своими родителями «кулацкие дети»[18], которые представляют генерацию «детей революции», также стали жертвами трагедии советской деревни.

Высказанные нами критические суждения являются дискуссионными. Создавшие рецензируемый коллективный труд ученые имеют право на свою точку зрения. Очевидные тематические лакуны исследования возникли в силу обширности заявленной темы и требуют дальнейшей проработки. Важным итогом работы стало создание методологических принципов и методических наработок, позволяющих проводить дальнейшие исследования поколенческой истории на материалах отдельных регионов России и иных периодов ее истории. Монография «Российская деревня первой трети XX века: поколение “революционного перелома”» имеет новаторский характер и уже стала заметным явлением в отечественной аграрной историографии.

An attempt to reconstruct the generational history of the Russian peasantry in the first third of the 20th century

Review of the book: Bezgin V. B., Vyazinkin A.Yu., Ippolitov V. A., Safonov D. A., Slezin A. A., Yakimov K. A. Russian Village of the First Third of the 20th Century: Generation of the “Revolutionary Turning Point”. Moscow: Quadriga, 2025. 504 p.

Vladimir A. Ilinykh, DSc(History), Head of the Agrarian and Demographic History Department, Institute of History, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences. Nikolaeva St., 8, Novosibirsk, 630090, Russia. E-mail: agro_iwa@mail.ru

18. В 1931 г. на сто крестьянских семей спецпереселенцев, по нашим расчетам, приходилось более 170 детей. *Красильников С. А., Саламатова М. С., Ушакова С. Н.* (2008). Корни и щепки. Новосибирск. С. 266.